

Этот человек с усмешкой приподнялся на локтях: Ты разговариваешь как ребенок. И вообще, сколько тебе лет? От тебя не пахнет сухопутными существами.

Сколько мне лет? — Тацио задумчиво произнес: Не знаю. Помню лишь, что проходил через дифференциацию... семьдесят шесть тысяч пятьсот тридцать два раза. Я медуза, одолжившая человеческое тело, чтобы выйти на сушу. Посейдон сказал, что Земле нужен я. Думаю, после выполнения задания я продолжу жить, исполняя те обязанности и долг, которые люди не успели завершить.

А как же ты сам? — холодно спросил Моррис, придя в себя от изумления. — Разве у тебя нет своих собственных желаний?

Тацио захлопал глазами. У меня нет родных, никто во мне не нуждается... — уголки его губ дрогнули в улыбке, и он указал на себя: — Но он — другое дело.

Семьдесят шесть тысяч пятьсот тридцать два раза, — вздохнул парень. — Сколько же это лет!

Не так уж много. У дифференциации нет четкого цикла, помню, самый долгий промежуток длился около двух месяцев и шести дней.

А самый короткий?

Тридцать четыре секунды.

Оба замолчали. Моррис взял весла, собираясь разбить ими лед. В этот момент вдалеке показались два крейсера. На мачтах высоко развевались флаги из трех горизонтальных прямоугольников — белого, синего и красного, а в центре, на щите красного цвета, красовался двуглавый орел с эмблемой святого Георгия, поражающего змия.

Человек просветил медузу: это был военно-морской флот царской России. В то время молодому царю Михаилу Фёдоровичу Романову еще не исполнилось девятнадцати лет.

Тацио, неподвижно стоя на лодке, замахал им руками и закричал.

Моррис схватил Тацио за руку. Ты с ума сошел, — сказал он. — Они же заметят нас.

Это ты сошел с ума, — Тацио убрал его руку. — Этот корабль пришел нас спасти. Смотри, они же ломают лед!

Флот приближался.

Моррис принялся, словно почуяв неладное, и заслонил собой товарища: Осторожнее, поблизости Инородный.

На палубе один солдат передавал приказ другому.

Иди доложи адмиралу, герцогу Францу, — Моррис перевел Тацио услышанные русские слова. — Здесь обнаружены двое подозрительных лиц.

Вскоре Тацио заметил, как Моррис сжал кулаки, потому что рядом с солдатом появился еще кое-кто. Окинув его взглядом, можно было увидеть, что его повседневный мундир был расшит более чем пятью сотнями жемчужин, на голове красовались медово-золотистые кудри, а роскошный небесно-голубой бархатный плащ развевался на ветру.

Он — Инородный.

Моррис понизил голос.

Откуда ты знаешь?

Я чувствую запах.

Какой запах?

Запах попугая.

Что такое попугай?

Тацио совершенно не мог представить, что это за животное. Он уже хотел спросить, но его мысли прервал звонкий смех.

Вы что, прощальные слова друг другу говорите? — человек усмехнулся, покачав головой, и произнес на чистом английском: — Мне сегодня повезло с настроением, так что не стану вас арестовывать. У вас есть минута на молитву, просите Иисуса спасти вас, потому что через мгновение мои корабельные орудия превратят вас в решето.

Иисус не придет, — громко сказал Тацио. — Господин, только вы можете нас спасти.

Моррис с удивлением посмотрел на него, а солдаты прыснули со смеху.

Франц приподнял свои золотистые, изогнутые, словно полумесяцы, брови и с любопытной улыбкой смотрел на них, потирая друг о друга руки в белых перчатках: Какой прелестный

глупенький ребенок!

Он отдал солдатам несколько распоряжений. Тацио дернул Морриса за рукав: Что говорит этот попугай?

Он сказал, что в следующем месяце у кого-то из отпрысков короля Речи Посполитой день рождения, и он хочет преподнести тебя в подарок.

Польша? Она на юге?

Должно быть... на северо-востоке.

На северо-востоке? — увидев, что солдаты спускаются с корабля, он в ужасе схватил товарища за рукав: — Спаси меня, Моррис. Я не могу на северо-восток!

Взгляд Франца переместился на Морриса.

Что за чушь ты несешь? Быть замеченным самим герцогом — великая честь для тебя! — Моррис оттолкнул руку Тацио, а затем с подчеркнутой почтительностью поклонился Францу.

Человек предал медузу. Тацио со слезами на глазах смотрел, как солдаты приближаются к нему, как ложатся их руки на его плечи.

Теперь его настороженность сменилась разочарованием. Солдаты без труда потащили его к адмиралу.

Смышленный паренек, — лениво отозвался Франц, снимая плащ и бросая его на солдата. Тацио потащили прочь. — Моррис! — обернувшись, крикнул он. — Это лодка Павла, пожалуйста, береги ее.

Когда полночный колокол пробил в темном небе, Тацио сидел на кровати в каюте высшего офицерского состава, переодетый в пастушка: в облегающих штанах, короткой куртке и изящной шапочке.

Комната была наполнена густым ароматом роз, сквозь стекло виднелась спокойная морская гладь и одинокая звезда. Едва слышный шум Москвы доносился издалека, словно приглушенный шепот скрипки.

Тацио все еще думал о словах, сказанных Моррисом днем.

Его действительно обманули. Хотя они были знакомы недолго, Павел был готов пожертвовать

собой ради спасения, а Моррис отстранился, как от ненужной бумажки.

Задание, данное морским божеством, уже задерживалось почти на полмесяца.

Если его действительно отправят в Польшу, на побег уйдет масса времени. И дело даже не в срыве сроков задания — страшно представить, каким страданиям могут подвергнуться тамошние живые существа!

Франц вошел в каюту и полулежа расположился в роскошном кресле.

Кто такой Павел?

Он отпил из бокала абсент с апельсиновым соком.

Тацио угрюмо ответил: Сын Виктора.

А кто такой Виктор?

Отец Павла.

Тогда сменим тему, — адмирал улыбнулся своей сладостной, меланхоличной улыбкой. — Днем ты сказал, что не можешь поехать в Польшу. Что это значит?

Тацио: Не поеду, объяснять не хочу.

Расскажи мне, — Франц коснулся бледными тонкими пальцами ножки бокала. — Если это действительно так важно, возможно, я передумаю и отпущу тебя.

Тацио недоверчиво посмотрел на него. В течение следующих нескольких минут он выложил ему всё как есть.

Как ужасно, кораблекрушение, акулы — от твоих слов у меня ночью будут кошмары! — Франц взял клубнику. — На мой взгляд, твой морской бог совсем не жалеет людей. Будь ты моим ребенком, я бы ни за что не позволил тебе уехать так далеко.

Хитрый попугай открыл свою книгу наставлений, намекая Тацио, что стоит подумать о себе. Юность не выдержит зубов времени, там, на чужбине, придется несладко. Всему живому суждено погибнуть. Вместо того чтобы терзаться и дрожать от страха перед несуществующими бедами, лучше наслаждаться моментом здесь и сейчас вместе с ним.

Медуза не слушал.

Тогда красногубый адмирал сменил тактику и заговорил о себе и текущем положении дел: будучи фаворитом царя, он может дать Тацио безграничное богатство и влияние. Глупый правитель, лишенный собственной воли, уже давно стал его марионеткой. Не пройдет и нескольких лет, как он сможет возвести Тацио на королевский трон.

Тацио испытывал отвращение к этому попугаю, который только и делал, что твердил о деньгах.

Внезапно он почувствовал, что должен что-то сказать, лишь бы слово «деньги» перестало занимать его мысли.

Да что толку в деньгах, Болайк важнее денег! — Тацио вскинул голову. — Моррис сказал мне, что ты попугай, это правда? Я никогда не видел попугаев, как они выглядят?

Ах, не думал, что он так быстро меня раскусит, — Франц подошел к окну и прислонился лбом к холодному, покрытому влагой стеклу.

Нет, он почувствовал запах.

Тогда он действительно силен, я могу узнавать ваши маленькие секреты только через наблюдение.

У меня и у него нет никаких маленьких секретов.

Это у тебя нет... — Франц нервно усмехнулся. — Его помыслы гораздо сложнее твоих. — Он медленно повернул лицо, явив половину ярко-красного оперения и стеклянный глаз, поблескивающий под сморщенным белым веком.

Эта сцена не на шутку напугала Тацио. Дельфины когда-то вызывали у него ужас, но то были всего лишь обычные морские обитатели.

А сейчас Франц стоял напротив, и на его лице проступили странные, нечеловеческие черты: застывшая жуткая усмешка, пугающий клюв попугая, а из сферического языка вырвался нервный, прерывистый смех. Он мотал головой из стороны в сторону, затем бросился к двери и втащил внутрь кого-то, кто выглядел весьма подозрительно.

Моррис! — вырвался у Тацио удивленный крик.

Острый птичий клюв пронзил полушубок, глубоко вонзился в бедро человека, вырвав кусок плоти.

Кровь брызнула в ноздри, и большая птица несколько раз чихнула. Корабль... там внизу... — сквозь боль проговорил Моррис. — Не обращай на меня внимания, беги. Быстрее беги!

Тацио в панике вскочил и увидел лодку, качающуюся за окном.

Он огляделся по сторонам, и его взгляд упал на кресло. Франц безумно терзал плоть на ноге Морриса, длинная бедренная кость дрожала под кровавыми ошметками мышц. Тацио, собрав все силы, поднял кресло и с размаху ударил им в окно.

Первый удар — стекло не поддалось.

Второй, третий — на поверхности появились трещины.

Четвертый — трещины разошлись красивой паутиной.

Наконец, с пронзительным звоном, Тацио наступил на раму и прыгнул вниз, приземлившись прямо в лодку, усыпанную осколками. Его тело во многих местах было иссечено, осколки вонзились в кожу, и от боли Тацио на мгновение потерял сознание.

Но вскоре выпуклые белые шарики вытолкнули все кусочки стекла из его рук, и раны затянулись сами собой. Он увидел, как пестрая птица стоит в окне, с клюва и груди капала кровь. Птица взмахнула крыльями и спикировала на него, огромные перья почти закрыли полнеба.

Тацио с бесстрастным лицом вытянул обе руки, словно встречая саму смерть. Когда птичьи когти скользнули по его ладоням, он схватил её.

<http://bllate.org/book/28099/3399721>